

национальных литературных языков важную роль играют различные словари. Диссертантка, понимая это, подробно останавливается на лексикографической работе, имеющей в мордовском языкознании свою историю. Она высоко оценивает роль словарей М. Е. Евсевьева «Эрзянь-рузонь валкс» (Москва 1931) и А. Рябова «Эрзянь-рузонь валкс» (Саранск 1930), а также других двуязычных словарей в упорядочении эрзя-мордовского литературного языка. Важно также, что здесь впервые обращается внимание читателя на существенные недостатки, имею-

щиеся в русско-эрзянском и эрзянско-русском словарях, и акцентируется внимание исследователей на настоятельной необходимости изучения словарного богатства эрзянского языка.

В целом диссертация Н. С. Адушкиной имеет научную актуальность и вполне отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям подобного рода. Отмеченные недостатки не умаляют важности проделанной работы для мордовского языкознания.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1972.2.12>

М. В. Мосин, Мордовско-эстонские лексические отношения.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1971.

Для мордовского языкознания этимологические изыскания имеют большое значение. В этом плане особенно важна интенсивная работа в области сравнительно-исторических исследований лексики эрзянского и мокшанского языков. Диссертация М. В. Мосина «Мордовско-эстонские лексические отношения» была успешно защищена 11 июня 1971 года в Тартуском государственном университете. Официальными оппонентами свою оценку ей дали доктор филологических наук профессор А. Каск (Тарту) и кандидат филологических наук доцент Д. В. Цыганкин (Саранск). В диссертации серьезно и глубоко рассматриваются вопросы сравнительно-исторического изучения лексики мордовских языков в лучших традициях финно-угроведения. Она посвящена выявлению и исследованию общей лексики мордовских и эстонского языков, что и определяет значимость представленного изыскания. Работа выполнена на основе анализа большого материала и с творческим использованием имеющейся научной литературы.

Автор обнаруживает хорошую общелингвистическую и специальную подготовку, глубокое понимание проблемы, большую наблюдательность, умение оперировать языковым материалом.

Диссертация (305 машинописных страниц) состоит из трех не равноценных по

своей внутренней организации глав, заключения и приложения (указатель этимологий эстонских слов).

В разделе «История изучения вопроса» диссертант дает подробное хронологически последовательное описание мордовских и эстонских этимологий, выявленных предшествующими исследователями финно-угорских языков. Здесь наряду с крупными исследованиями приводятся и отдельные статьи, где даны этимологии одного или нескольких слов рассматриваемых языков. Большое место отведено этимологическим исследованиям О. Доннера, Й. Буденца, Х. Паасонена, Э. Сетяля, Ю. Тойвонена, Б. Коллиндера и др. Особое внимание уделено работам Х. Паасонена, в которых рассматриваются вопросы общей лексики финно-угорских, в том числе прибалтийско-финских и мордовских языков.

Автор диссертации хорошо знаком с литературой по общей лексике финно-угорских языков. Учитывая современные принципы этимологизации, а также достижения финно-угорского языкознания в этой области, М. В. Мосин проявляет критическое отношение к некоторым предположениям и утверждениям. Он приводит неправильные этимологии и отмечает, почему они считаются неверными (стр. 32, 33, 34, 37, 41). Ценны наблюдения автора над словами, заимствованными

мордовскими и эстонскими языками в разное время из неродственных языков, имеющими близкую фонетическую структуру и общую семантику (см. стр. 61—62).

Интересна по содержанию вторая глава диссертации. Здесь автор в алфавитном порядке дает этимологическое описание значительного количества слов, общих для мордовских и эстонского языков. Ценными следует считать данные, которые приводит автор о первых этимологизациях слов. Кроме того, беспорочным достоинством работы является привлечение мордовских и эстонских диалектных форм того или иного слова, если диалектная форма имеет более близкую фонетическую структуру или общую семантику. Этимологизация слова невозможна без выявления общих звуковых закономерностей, свойственных сравниваемым языкам, без учета общности значения слова и тех исторических процессов в грамматической системе, которые произошли в каждом конкретном языке. Вот почему исследователю-этимологу надлежит рассматривать общий пласт лексики двух родственных языков не только в фонетическом плане, но одновременно и в плане семантики, морфологии. Автор диссертации, по нашему мнению, дал вполне обоснованное толкование ранним ошибочным этимологиям, дополнил и уточнил сомнительные этимологии, выявил большое число новых. Это одно из бесспорных достоинств работы М. В. Мосина.

Отметим некоторые из таких этимологий. В свое время Й. Буденц¹ сопоставил морд. *веле* 'село, деревня' с эст. *palju* 'много'. Как утверждает в диссертации, и, по нашему мнению, обоснованно, данное сравнение не соответствует строгим требованиям этимологизации как в фонетическом, так и в семантическом отношении. Следует согласиться с диссертантом, когда он *веле* сопоставил с эст. *väljas* 'снаружи, во дворе, вне дома' и с *väli* 'поле'. Не вызывает возражения сопоставление эрз. *йд'е*, мокш. *ид'* 'ребенок, дитя, младенец' с эст. *idu* 'росток, зародыш, зачаток'. Весьма интересны выявленные диссертантом новые соответствия, такие

как морд. *ченгомс* 'лечь на корню (о хлебе); умереть (о человеке и о животных)' — эст. *hanguma* 'застывать, твердеть, стать неподвижным', *чаркодемс* 'понять, догадаться, сообразить, почувствовать' — эст. *harjuma* 'привыкать, осваиваться', *harjutama* 'приучать'; *орво* 'чирей' — эст. *urb* (*urv*), род. *urva* 'сережка'; *окс* 'молитва, моление' — эст. *uskuma* 'верить' и др.

Всего в диссертации дано 848 этимологий. Правда, в это количество входят и производные слова, такие как *ведьгев* 'водяная мельница' — эст. *veski* (< *vesikivi*) 'мельница'; *валакадомс* 'стать гладким' — эст. *vaalima* 'катать' и др. Нам думается, что привлечение производных слов такого типа вряд ли дает что-либо новое, тем более что основа этимологизированного производного слова или элементы сложного слова уже были использованы автором как сравниваемые лексические единицы и отнесены к общему лексическому фонду мордовских и эстонского языков. Возражения вызывают некоторые сомнительные мордовско-эстонские лексические соответствия, рассматриваемые автором как слова общего фонда мордовских и эстонского языков. Гипотичными являются такие соответствия, как *киш* 'хлеб' — эст. *kürs* 'отвердевший хлеб'; *кулов* 'зола' — эст. *kulu* 'отава'; *аволь* 'не' — эст. *ep* 'не'.

Особый интерес представляет собой третья глава диссертации. В ней рассматривается общий фонд лексики в плане семантики. И с этой точки зрения автором удачно проведена группировка слов по отдельным семантическим категориям. В каждой категории слов-терминов дается обстоятельная характеристика. М. В. Мосин стремится показать роль той или иной категории терминов в определении истории материальной и духовной культуры предков мордвы и эстонцев.

Удачно, на наш взгляд, диссертантом прослеживается смещение лексических соответствий, например: морд. *неке* 'живот' — эст. *päkk* 'мякиш большого пальца'; *ялго* 'пешком' — эст. *jalg* 'нога'; *копоре* 'спина' — эст. *kopra* 'кисть руки со стороны жакима'. Рассмотрение общей лексики в такой плоскости дает возможность проследить основные процессы семантических сдвигов, появление новых значений слова. В этом плане диссертация

¹ J. Budenz, A magyar és finn-ugor nyelvekbeli szögyezések. — NyK VI 1867, стр. 374—478; NyK VII 1868, стр. 1—62.

ция М. В. Мосина окажет мордовским и эстонским языковедам большую услугу.

Хотелось бы обратить внимание автора на два момента. Во-первых, не всегда рассуждения о материальной и духовной культуре предков мордвы и эстонцев подтверждаются языковыми или другими фактами (стр. 201, 233 и др.). Во-вторых, нуждается в уточнении сама терминология названий лексико-семантических групп. Нам думается, правильнее было бы вместо «терминология мышления»

(стр. 218) написать «термины (слова), связанные с мышлением», вместо «терминология речи» — «термины (слова), связанные с речевой деятельностью человека» и т. д.

В целом диссертация М. В. Мосина представляет собой содержательное исследование, имеющее большое значение для финно-угроведения. Было бы целесообразно опубликовать это исследование после тщательной редакции.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

А. П. Баранцев, Фонологические средства людиковской речи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1970.

14 сентября 1971 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником сектора языка Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР А. П. Баранцевым на тему «Фонологические средства людиковской речи». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук профессор П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук доцент В. С. Суханова (Петрозаводск).

В своем исследовании А. П. Баранцев рассматривает мало и слабо изученный до настоящего времени раздел карельского языка — фонологические средства людиковской речи. Автором собран материал со всех участков распространения людиковской речи, но в основу диссертации легли прежде всего святозерские говоры (в первую очередь говор дер. Пелдожя, точнее — его диалект). Компетентности описания диалекта способствовало, несомненно, то обстоятельство, что автор работы является уроженцем этой местности.

Финно-угорские языки в целом до сих пор еще мало изучены с позиции их фонологического описания, причем изучение фонологии карельского языка (если не считать одной дипломной работы о собственно карельском диалекте, написанной студенткой Тартуского государственного

университета) фактически еще не начато, поэтому настоящее исследование своевременно и актуально. Вместе с тем диссертация А. П. Баранцева имеет важное теоретическое и практическое значение с точки зрения применения и комплексного использования современных методов научного исследования. Следует особо подчеркнуть, что А. П. Баранцев является первым советским финно-угроведом, применившим в своем исследовании вычислительную технику.

Изучением людиковской речи, представляющей большой научный интерес с точки зрения общего языкознания, начиная с А. Генетца в течение столетия занимались преимущественно финны. Описанию звукового строя этого диалекта посвящена даже одна объемистая докторская диссертация (А. Турунена), защищенная четверть века тому назад. Однако, как уже указывалось выше, диссертация А. П. Баранцева имеет во многих отношениях особое значение, так как свидетельствует о значительных сдвигах как в самом методе исследования, так и в личности исследователя.

Диссертация А. П. Баранцева занимает 406 + 23 страниц машинописного текста, к которому приложены две карты. Следует отметить, что диалектные записи, составляющие 132 страницы, служат фактическим материалом для применения использованной в диссертации фонематической статистики.